

УДК 167

Александр Афанасьев

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД: НАРРАТИВ И
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Биографический нарратив в ходе своего построения с необходимостью интегрирует социально-культурные интерпретации, объективизирует герменевтические интуиции, а в готовом виде как относительно независимая структура позволяет ограничить множество субъективных социально-культурных интерпретаций, которые будучи нарративно нагруженными, становятся более корректными, хотя и более сложными.

Ключевые слова: биография, метод, нарратив, интерпретация, герменевтика.

Герменевтика и нарратология, даже имея дело с одним и тем же текстом, представляют собой различные вещи и в смысле процедуры, и в плане результата. Это не смотря на то, что нарратология утверждает вездесущность нарративов, следовательно, герменевтические процедуры, казалось бы, постоянно имеют дело с ними. Однако, нарративам присущ, вообще говоря, описательный, а не интерпретационный характер, их исследование преимущественно ограничивается лингвистическими структурами и не требует обязательного выхода в социальный или культурный контекст. А герменевтика, напротив, в ходе интерпретаций неизбежно привлекает различные контексты понимания, но для этого исследуемый текст не обязательно представлять как нарратив. Возможны интерпретации таблиц, хроник, дедуктивных выводов и прочих ненарративных текстов. Интерпретация, по сути своей, безразлична к нарративной классификации текста. Однако если речь идет о биографии, которую вне нарратива представить невозможно, взаимодействие нарративных структур и интерпретационных механизмов неизбежно. В этом взаимодействии можно усмотреть существенный ресурс биографического метода. Не ставя пред собой столь глобальной задачи, ограничим цель статьи демонстрацией некоторых аспектов взаимосвязи нарративов и интерпретаций в биографических подходах.

Биографический метод приобретает все большее распространение. Он активно применяется в литературоведении, когда биография и личность писателя становится определяющим моментом творчества и способом восприятия, анализа и оценки художественной литературы, в психологии, где позволяет диагностировать, корректировать и проектировать психологические аспекты личности, в социологии, особенно в ходе изучения тех социальных групп, которые недоступны для масштабных выборочных обследований из-за пространственной и временной

локализации. Не обойтись без него в истории, культурологии, философии, методологии науки. Перечень может быть продолжен до весьма прикладных сфер: в менеджменте, например, существует биографический метод оценки персонала. Правда, не все исследователи согласны с использованием в данном контексте термина «метод», имеющего в методологии весьма точное значение определенной последовательности действий, ведущей к научно значимому результату. Все же в расширительном смысле как «средство исследования», «путь творчества», «требования и нормы подхода» и пр., слово «метод» работает относительно биографических штудий.

Биография представляет собой более или менее полное повествование о жизни или судьбе некоторой личности или об авторе определенного текста. Собственно, биографический метод сформировался, прежде всего, как способ изучения и представления авторской деятельности. Последняя выглядит закономерной во времени как последовательность ступеней творчества и в пространстве культуры или социума во многом благодаря биографии. Очевидно, что закономерная последовательность обеспечивается именно нарративом как повествованием о жизни автора, которое «выпрямляет» жизненный путь до степени судьбы и предназначения и откуда удалены все «ненужные» отклонения.

Суть нарратива в том, что он явно или неявно упорядочивает отдельные события и явления в некоторую последовательность. При этом указывается на начальные и конечные пункты происходящих с человеком или вне его событий, дел и переживаний, на последствия, которые одни действия и явления имели для других, на цели или результаты, в соответствии с которыми отбираются предшествующие этому факты. Короче говоря, выстраивается сюжет в отличие от простого хронологического перечисления событий.

Нарратив не просто регистрирует или описывает события, он конституирует их как значимые части осмысленной последовательности, образующей некоторую временную целостность. Ею может быть ситуация, совокупность природных и социальных явлений, общество, жизнь человека и др. Например, нарратив придает смысл человеческим действиям, представляя их как объективные связи и отношения. Этому служат понятия, образующие повествовательную схему: цели, мотивы, интенции, каузальность, препятствия, непредвиденные обстоятельства и т. п. Так индивидуальная жизнь как единый и целостный феномен не распадается на бесконечное множество самостоятельных, независимых и несвязанных события и явлений, а представляется целостной и осмысленной с помощью биографического или автобиографического

нарратива, выстраивающего четкую сюжетную линию. В частности, в биографии любой факт понимается путем указания на его значение, вытекающее из последовавших за ним других событий, результатов, последствий.

Биографические нарративы на первый взгляд описывают реальные жизненные ситуации. Но в то же время и в первую очередь они конструируют саму жизнь. Она приобретает тот смысл, который задан данной формой биографии, той последовательностью, которую выбрал биограф и которая соответствующим образом увязала факты, например, как восхождение к некоторой цели. «За кадром» осталось бесконечное число событий и их связей, которые могли быть увязаны другими нарративами, выстроив тем самым иные жизни. Таким образом, при построении биографического нарратива явно и неявно используются разнообразные интерпретации, предопределяющие вид, характер, смысл, назначение и другие характеристики биографии.

Биографический или автобиографический нарратив не только интерпретирует прошедшие события, конструируя связное целое, он и во многом предопределяет последующее поведение людей, «продлевая» смыслы, придавая завершенность жизненным этапам, стимулируя усилия на достижение определенных целей, заданных, например, прогрессистским нарративом. Аналогичную функцию выполняет и нарратив общественного прогресса как «биография» страны, народа, человечества: происходящие изменения интерпретируются как прогрессивный рост и развитие, а существующие лишения трактуются как преходящие на пути к счастливому будущему. Ту же функцию, но с обратным знаком, выполняет регрессистский нарратив. Так индивидуальная или социальная реальность в соответствующие временные отрезки принимает ту нарративную форму, которая дает подходящую интерпретацию. Когда нарратив устоялся, он приобретает форму «подлинной реальности» и иные интерпретации не рассматриваются. В. Маяковский, чувствуя безжизненность официальной биографии А. Пушкина, осуждающе заметил: «навели хрестоматийный глянец». В таких случаях можно обнаружить относительную независимость нарратива от интерпретаций. Тогда он нередко превращается в миф или предрассудок, особенно в силу идеологических причин. Например, нередко осуждается «переписывание истории», поскольку новый нарратив может задать нежелательную интерпретацию.

Относительная независимость нарратива от интерпретаций имеет место и тогда, когда используется готовая, сложившаяся, биография, т. е. сам биографический нарратив является основой интерпретации

творчества или отдельных текстов автора. Так, удивительная точность пушкинских описаний уличных передвижений гробовщика в «Повестях Белкина» становится понятной, если учесть, что Пушкин продолжительное время проживал в описываемых местах. Психологическая и фактологическая точность многих сюжетных ситуаций также имеет биографический след, как, например, в «Выстреле» из тех же «Повестей Белкина»: на дуэли с Зубовым Пушкин под пистолетом до и после выстрела противника невозмутимо ел черешни, как потом герой его повествования под пистолетом Сильвио.

Если необходимо восстанавливать и изучать индивидуальную, социальную и культурную реальность через анализ биографических материалов и событий, сохраненных в них, через оценки, отзывы, мнения и установки, содержащиеся в автобиографиях, дневниках, письмах, воспоминаниях и т. д., что составляет суть биографического метода, то переплетение интерпретаций и нарративов идет в направлении от биографического нарратива к интерпретации.

Здесь существенно подчеркнуть, что благодаря констатации нарративной природы биографии, получает теоретическое обоснование многообразие возможностей для построения различных биографий на одном и том же культурно-историческом материале. В свою очередь, разнообразные биографические нарративы подтверждают многообразие интерпретаций, что так существенно для герменевтики: это характерно и для интерпретаций внутри нарратива, и для «внешних» интерпретаций. К тому же нарратологическая определенность в значительной степени объективизирует герменевтические интуиции, без которых интерпретации невозможны.

Биографическое повествование используется в самых разных целях. Биография автора, например, ученого или писателя, может исследоваться, чтобы лучше понять время, в котором он жил. Его оценки, наблюдения, дневники могут дать огромный материал для выводов. Его видение данной эпохи помогает лучше ее понять. Факты биографии в данном случае используются исследователем для интерпретации культурных феноменов данной эпохи.

Биография автора может быть изучена как жизнь данного индивида с его собственным мироощущением, отношениями с другими людьми, где его творчество представляется лишь элементом культурной жизни эпохи. Это оценивается исследователем в известном социальном и культурном контексте, из которого объясняются факты биографии ученого, литератора, религиозного или политического деятеля. Он интерпретируется, например, как типичный представитель эпохи,

научного, писательского, религиозного или иного сообщества. Здесь, естественно, возможны варианты. Так, биография гениального математика Григория Перельмана, доказавшего знаменитую гипотезу Пуанкаре, была написана Машей Гессен без всякого общения с объектом своего исследования, без знакомства с его дневниками, высказываниями, личными оценками, а только на основе воспоминаний друзей и оппонентов [3, с. 7]. Книга соответствует требованиям жанра, но вызывает и немало вопросов. Насколько, в таком случае, описание жизни и творчества великого математика соответствует именно его представлениям об изображаемой эпохе, важны ли они для адекватности фиксируемых автором закономерностей творческого пути объекта исследования или важен лишь социальный, научный, культурный и т.п. контекст?

Биографию можно изучать в плане формирования автора как творца и в этом контексте лучше понять и его самого, и его произведения, что предполагает учет первых двух моментов. Биография может изучаться и в чисто научном контексте, когда собранные данные кладутся в основу, скажем, комментариев к произведениям данного автора в некотором академическом проекте. Но в целом, биографический жанр, как и многие исследования в гуманитаристике, находится на стыке науки и литературы. Некоторые его произведения довольно высоко подняли планку научных и литературных требований. Можно упомянуть биографию выдающегося математика, лауреата Нобелевской премии по экономике Джона Нэша, написанную в конце 90-х годов прошлого века Сильвией Назар, имевшей значительный культурный резонанс. Вообще, биографии представляет собой интересное, порой захватывающее литературное повествование, которому предшествует серьезная исследовательская и аналитическая работа по сбору и отбору материала, скрупулезная работа с источниками, со свидетельствами очевидцев, исключительная точность в изложении научного или иного культурного контекста и пр. Как тут обойтись без знания интерпретационных методик герменевтики и нарратологических представлений?

Возможностей биографического подхода немало, но и трудностей достаточно. С одной стороны он позволяет лучше понять определенную эпоху, повседневную жизнь людей, произведения искусства и научные или религиозные тексты, уловить закономерные и уникальные моменты индивидуальной или всемирной истории. С другой стороны, он нередко вызывает недоверие вследствие кажущейся или действительной субъективности при написании биографий или автобиографий и соответствующем истолковании социальных, научных или культурных

феноменов. К тому же используемые там герменевтические процедуры, как в философских, так и в прикладных исследованиях, больше похожи на искусство и литературу, чем на науку. Поэтому нарративные и иные филологические и лингвистические исследования биографических построений укрепляют научный фундамент биографического метода.

На рубеже XIX–XX веков было установлено, что биографический метод невозможен без изучения авторского наследия. Не только биография автора способствует лучшему пониманию его произведений, но и изучение творчества автора помогает создать «правильную» биографию. Это касается сферы и литературы, и искусства, и науки, и религии. И хотя авторская оценка является значимой и авторитетной, интерпретация его произведений является важным способом установления необходимой целостности душевной жизни, позволяющей сопереживать, а значит понимать. В этом смысле Шлейермахер заявил, что автор должен быть понят лучше, чем он сам себя понимал. Дильтей осторожно называет такое высказывание смелым и парадоксальным афоризмом, но, в сущности, с ним согласен, видя в этом не просто образ глубокой исследовательской работы, но и буквальный смысл [4, с. 147].

В конце XX в. теоретическая ситуация усложнилась. Растворение авторского «Я» в социокультурном контексте и лингвистических структурах принесло отрицание авторской интенции при определении или описании значения произведения, перенесло акцент на символическую многозначность авторского текста и неисчерпаемость его смысловых инстанций, поставило задачу экспликации неявных смысловых пластов произведения. «Смысловой горизонт понимания не может быть ограничен ни тем, что имел в виду автор, ни горизонтом того адресата, которому первоначально предназначался текст ... Тексты не добиваются от нас, чтобы мы понимали их как выражение субъективности автора. То, что зафиксировано письменно, свободно от случайности своего происхождения и своего автора и открыто новым позитивным связям». [2, с. 459–460]. Приблизительно той же позиции придерживается П. Рикер: «Судьба текста не помещается в замкнутый горизонт жизни его автора. То, что говорит текст, важнее того, что хотел сказать автор» [6, с. 217]. Действительно, читая текст, мы не обязательно должны представлять реального автора-субъекта, стоящего за ним. Некоторые исследователи даже утверждают, что знание биографических данных мешает восприятию текста, искажает его смысл. «Когда на чистый голос текста накладывается еще и реальная физиономия автора как личности, восприятие текста искажается. Оно становится более одномерным, более плоским». [5, с.38].

Таким образом, вопрос о роли биографического метода не может обойти проблему «смерти» автора, под которой, в частности, понимается отсутствие соответствия между авторской интенцией и смыслом текста, когда авторское намерение не принимается как основное условие для понимания его произведения. Тут можно усмотреть, как минимум, два аспекта. Первый – многообразие читательских интерпретаций авторского текста, делающих якобы излишним знание авторского замысла. Второй – интертекстуальность, когда тексты явно и неявно различными способами ссылаются друг на друга (Р. Барт, Ю. Кристева). Происходит своеобразное растворение авторского текста в высказанных ранее идеях, образах, вообще прежних «голосах» [1].

Говоря о «смерти автора», необходимо учитывать, что это нередко является особым приемом мнимого самоустранения, используемого самим же автором. Благодаря этому он активизирует позицию читателя, предоставляет ему свободу интерпретации и этим, можно сказать, конструирует или создает своего читателя. Кроме того, созданный им имидж является необходимым условием для формирования определенного круга читателей. А они в свою очередь становятся фондом поддержки и закрепления этого имиджа.

В результате такого соотношения автора и произведений, выходящих под его именем, его биография дробится, расщепляется, распадается. Ведь автор, во-первых, представляет собой некоторое юридическое лицо, имеющее соответствующие документы, удостоверяющие его личность и авторские права. Во-вторых, он – некоторый индивидуальный и культурно-исторический индивид, проживающий определенную жизнь, не имеющую прямого отношения к его произведениям. В-третьих, автор являет собой персонаж, так или иначе включенный в его произведения. В-четвертых, он – некий имидж, имеющий лишь формальное отношение к его произведениям. В-пятых, это знак для объединения или классификации определенных произведений. Перечень может быть продолжен. Поэтому воссоздание биографии становится непростой проблемой. Биография превращается в некоторый сложный конструкт, где должны объединиться и смыслы его произведений и его личные жизненные идеалы и намерения в некотором целостном концептуальном или ценностном контексте, и культурно-историческая ситуация, и реальные факты его жизни, но определенным образом осмысленные и поданные. Это тот узел, где переплетаются нарратология и герменевтика.

В этом плане автор не умирает, а, напротив, получает определенный статус внутри некоторого общества и культуры. М. Фуко в этом плане подчеркивает, что «имя автора не идет, подобно имени собственному,

изнутри некоторого дискурса к реальному и внешнему индивиду, который его произвел, но что оно стремится в некотором роде на границу текстов, что оно их вырезает, что оно следует вдоль этих разрезов, что оно обнаруживает способ их бытия, или, по крайней мере, его характеризует» [7, с.18].

Таким образом, можно утверждать, что современная социокультурная ситуация не только умерщвляет автора, но и воспроизводит его вновь, а вместе с ним и его биографию. Биографии писателей, ученых, и вообще исторических, социальных и культурных деятелей по-прежнему являются предметом изучения и конструирования. Между тем, проблемой остается выяснение механизмов превращения тех или иных индивидуальных, случайных биографических фактов в общезначимый и как кажется закономерный культурный результат. Но биографии чаще всего как раз и пишутся с оглядкой на данный результат. То есть, в жизни автора отыскиваются данные, которые, якобы можно рассматривать как толчок, условие или даже причину научного открытия или гениального романа, а нередко вся жизнь описывается так, словно она закономерно ведет к указанному достижению как цели. Общим местом стали ссылки на Архимеда, который открыл закон плавающих тел, решая поставленную перед ним практическую «правительственную» задачу: имело ли место хищение золота при изготовлении короны. В советские времена будущим ботаникам и биологам много рассказывали о том, как карманы мальчика-Мичурина были вечно наполнены различными семенами, что якобы способствовало формированию великого селекционера. А биографии многих ученых укладывались в рубрику «вся жизнь – научный подвиг». Иными словами, использование в биографических подходах нарратологических наработок вкуче с интерпретационными механизмами и методиками повысит уровень не только биографического жанра, но и многих исследований гуманитарного цикла.

Таким образом, во-первых, биографический нарратив есть относительно независимая структура, что позволяет ограничить множество субъективных социально-культурных интерпретаций. Во-вторых, социально-культурные интерпретации невозможно игнорировать в биографическом нарративе. В-третьих, культурологические интерпретации, использующие биографические и другие нарративы, становятся нарративно нагруженными, что делает их более корректными, но и более сложными.

Список использованной литературы

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика.– М.: Прогресс; Универс, 1994.– С. 384–391.
2. Гадамер Г.-Г. Истина і метод. Т. 1.– К.: Юніверс, 2000.– 464 с.
3. Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия: документальная проза / пер. с английского И. Кригера.– М.: Астрель, CORPUS, 2011.– 272 с.
4. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии.– 1988.– №4.– С. 135–152.
5. Корнев С. Сетевая литература и завершение постмодерна // НЛО.–1998.– №32.– С. 36–45.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике.– М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.– 415 с.
7. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.– М.: Магистериум-Касталь, 1996.– С. 7–46.

Олександр Афанасьєв

БІОГРАФІЧНИЙ МЕТОД: НАРАТИВ ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ

Біографічний наратив в ході своєї побудови з необхідністю інтегрує соціально-культурні інтерпретації, об'єктивізує герменевтичні інтуїції, а в готовому вигляді як відносно незалеж на структура дозволяє обмежити безліч суб'єктивних соціально-культурних інтерпретацій, які будучи наративно навантаженими, стають більш коректними, хоча і більш складними.

Ключові слова: *біографія, метод, наратив, інтерпретація, герменевтика.*

Alexander Afanasyev

BIOGRAPHICAL METHOD: NARRATIVE AND INTERPRETATION

Biography can not be presented out of narrative, the interaction of narrative structures and mechanisms of interpretation is inevitable. This interaction can be seen as a significant resource of biographical method.

The author is a legal person having the relevant documents proving his identity and copyrights. He is a certain individual and cultural-historical individual, living a certain life, having no direct relation to his works. The author is a character that is included into his works. He is a certain image, having a formal attitude to his works. It is a sign for the association or the classification

of certain products. Therefore biography turns into some complex construct, which must unite meanings of his works, and his personal life's ideals and intentions in a holistic concept or value context, and cultural-historical situation, and the real facts of his life, but meaningful and filed in a certain way. This is the node where narratology and hermeneutics are intertwined.

Biographical narrative is a relatively independent structure that allows you to restrict the set of subjective social and cultural interpretations. Culturological interpretations, which use biographical and other narratives, become loaded with narrative, which makes them more correct.

Keywords: *biography, method, narrative, interpretation, hermeneutics.*

References

1. Bart R. (1994) Smertavtora [Death author] Bart R. Izbrannyieraboty: Semiotika. Poetika. Moscow. Progress; Univers, pp. 384-391.
2. Gadamer G.-G. (2000) Istina i metod [Truth and Method]. T.1. K. Yunlvers, 464 p.
3. Gessen M. (2011) Sovershennay astrogost. Grigoriy Perelman: geniy i zadacha tyisyacheletiya: dokumentalnaya proza [Perfect rigor. Perelman genius and the challenge of the Millennium: documentary prose]; per. s angliyskogo I.Krigeria. Moscow. Astrel, CORPUS, 272 p.
4. Diltey V. (1988) Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [Outlines of a Critique of historical reason]. *Voprosyi filosofii*, #4, pp. 135-152.
5. Kornev S. (1998) Setevaya literatura i zavershenie postmoderna [Network Literature and completion of postmodern]. *NLO*, #32, pp. 36-45.
6. Riker P. (1995) Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike [The conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow. Academia-Tsentr, Medium, 415 p.
7. Fuko M. (1996) Chto takoe avtor? [What is the author?]. *Fuko M. Volya k istine: potustoronuznaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznyih let*. Per. s frants. Moscow. Magisterium-Kastal, pp. 7–46.